

Чотчаева Мариза Хыйсаевна

ВРЕМЯ И ПРОСТРАНСТВО В РОМАНЕ Х. Б. БАЙРАМУКОВОЙ "ЧЕТЫРНАДЦАТЬ ЛЕТ"

В статье исследуется тема депортации карачаевского народа в романе Х. Байрамуковой "Четырнадцать лет", свидетельствующая о новом подходе в решении вопросов депортации в карачаевской литературе, о новом системном и структурно-организованном периоде национального художественного мышления народа. В исследовании раскрыто авторское отношение к роману, его автобиографизм. В ходе исследования выявлены особенности пространственно-временных соотношений в романе, а также некоторые аспекты концепции ссыльного человека в карачаевской прозе.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/7-2/16.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 7(73): в 3-х ч. Ч. 2. С. 57-61. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phii@gramota.net

об общественно-политических событиях в стране, о мусульманском мире – во всем видна точка зрения героя, особенности его склада ума и характера, мировосприятия, отношения к явлениям действительности. Как интеллектуальный герой, Идрис способен трезво оценивать события исторического масштаба начала XX века.

Мир, в котором живет герой М. Абсальямова, многообразен, сложен и противоречив и не может быть «включен» лишь в план персонажа, и он расширяется, усиливается благодаря взаимодействию с авторской точкой зрения. Единство точек зрения автора и героя, их совмещение ярко прослеживается в тех местах книги, где речь идет о башкирском национальном характере, о «манкуртах», об исторических судьбах родного народа.

Своего рода авторскими отступлениями являются рассказы о башкирской гастрономии, о целебной силе башкирского меда и о его видах, о национальных костюмах, свадебном обряде башкир и казахов. Они органичны в идейно-художественном содержании произведения, вписаны в ту социально-бытовую среду, в которой живут и действуют герои. Автор создает не только сюжет и характеры, но целый башкирский мир, детально прорисованный, наделенный собственной историей, географией, философией.

Список источников

1. **Абсальямов М. Б.** Хальфа: роман. Повести. Уфа: Китап, 2008. 464 с.
2. **Гареева Г. Н.** Образ представителя духовенства в современной прозе // Агидель. 2012. № 11. С. 101-106.
3. **Кожевникова Н. А.** О типах повествования в советской прозе // Вопросы языка современной русской литературы. М.: Наука, 1971. С. 97-163.
4. **Кожевникова Н. А.** Типы повествования в русской литературе XIX-XX вв. М.: Институт русского языка РАН, 1994. 335 с.
5. **Махмутов Х. М.** Гафури и театр // Материалы научной конференции. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1981. С. 101-113.
6. **Мубаракшин М. Ф.** Новое прочтение повести «Черноликие» Маджита Гафури // Филология и культура. 2013. № 2. С. 161-163.

CLERGYMEN IN THE NOVEL BY M. ABSALYAMOV “HALFA”

Hasanov Rishat Faukatovich, Doctor in Philology, Associate Professor
Birsk branch of Bashkir State University
academy@birsk.ru

The article analyzes the system of images in the novel by the Bashkir writer M. Absalyamov “Halfa”. The story is focused on Idris image as a representative of new generation of Muslim spiritual leaders. The author draws parallels with other literary works on this subject, and it allows him to identify both typological and distinctive features of this novel, in particular, the following ones: new interpretation of clergymen’s personalities, subjectivity of narration, prevalence of lyrical element, and the motive of kindness, charity.

Key words and phrases: spiritual leaders; Muslim world; image; author’s ideal; subjective narration; psychologism; leitmotif; landscape; ethnographic material; national character; antithesis.

УДК 8.82.09

В статье исследуется тема депортации карачаевского народа в романе Х. Байрамуковой «Четырнадцать лет», свидетельствующая о новом подходе в решении вопросов депортации в карачаевской литературе, о новом системном и структурно-организованном периоде национального художественного мышления народа. В исследовании раскрыто авторское отношение к роману, его автобиографизм. В ходе исследования выявлены особенности пространственно-временных соотношений в романе, а также некоторые аспекты концепции ссыльного человека в карачаевской прозе.

Ключевые слова и фразы: война; депортация; время; пространство; спецпоселение; документ; вымысел; многогеройность; Х. Байрамукова.

Чотчаева Мариза Хыйсаевна, к. филол. н., доцент

Карачаево-Черкесский государственный университет имени У. Д. Алиева, г. Карачаевск
marizachot@mail.ru

ВРЕМЯ И ПРОСТРАНСТВО В РОМАНЕ Х. Б. БАЙРАМУКОВОЙ «ЧЕТЫРНАДЦАТЬ ЛЕТ»

Общественно-политическая обстановка конца 1980-х – начала 90-х годов, отмеченная прежде всего демократизацией общества и литературного процесса, способствовали появлению в 1982 году романа талантливой карачаевской писательницы Халимат Башчиевны Байрамуковой «Онтерт джыл» («Четырнадцать лет»). В названии романа отражено время, проведенное карачаевским народом в степях Средней Азии и Казахстана, длившееся четырнадцать лет. Вся структура романа Х. Байрамуковой пронизана ощущением времени и пространства, как реального, так и сверхреального.

В послесловии к своему роману автор пишет: «Писать книгу всегда тяжело, но при написании этой книги мне было особенно тяжело, потому что я как будто заново испытала горе тех четырнадцати лет.

В этой книге, насколько я сама поняла, изменился мой стиль, виной тому тема книги. Мне, конечно же, известны законы художественной литературы, но я ими пренебрегла, и поэтому мой роман можно назвать публицистическим романом... Написать книгу о депортации я считаю своим писательским и гражданским долгом. Я не уверена в высокохудожественности своего полотна, но все написанное в нем правда. Для меня это было самым важным...» [1, с. 309]. Произведений о депортации в последние годы появляется немало: первоначально это были документально-художественные рассказы, опирающиеся на воспоминания очевидцев, документы, факты, где преобладал показ процесса выселения, поступков людей. Когда информации о произошедшем стало достаточно много, как это и характерно для литературного процесса, появились произведения, где авторы обращаются к внутреннему миру героя.

Обращение к теме депортации народа, воспоминания о прошлом – это тема исторической памяти. Воспоминание становится структурно-повествовательным принципом произведения, в воспоминании заложена проблема времени, всегда драматическая для человеческого сознания.

Категория времени всегда связана с определенной стадией развития общества и сознания, общей для всех народов и достаточно древней. Профессиональный исследователь калмыцкой прозы о депортации Н. Манжиев отмечает: «Еще в семидесятые годы философ В. Румл писал, что человек – единственное существо, находящееся в борьбе со временем. Другие существа лишь находятся во времени. Зная о своей конечности, человек вместе с тем борется за вечность, за продление своей жизни» [3, с. 112]. Он также отмечает, что чувство времени предполагает достижение человеческим разумом высокой степени абстрагирования, ассоциации. Время не может быть понято без памяти о прошлом и без предвосхищения будущего. Но идея времени «может быть выражена по-разному, прошлое сохраняется только в ностальгии, а будущее предвосхищается только надеждами. Восстановить связь времен, создать ощущение непрерывности связи времен и смысла бытия может только нравственное чувство, а также чувство своей причастности к потоку истории» [Там же].

В романе Х. Байрамуковой «Четырнадцать лет» автор, решая проблемы несправедливости жизненных контрастов, совмещает различные временные пласты. Антитеза счастливого и полноценного бытия в далеком прошлом и бытия разорванного, мучительного, полного надрыва в настоящем, обращение к своим истокам присутствуют в романе на протяжении всего повествования. Соотношение нескольких временных пластов, а именно – времени, насыщенного событиями, времени бытового, времени исторического – определяет композицию произведения, организует художественное время. И, может быть, для автора и для читателя описание сегодняшнего дня, времени, из которого идет рассказ, несет на себе основную смысловую нагрузку, ибо отвечает на главный нравственный вопрос: какими люди вышли из тяжелейших испытаний? Художественное постижение нравственной сферы складывается из взаимоотношений людей, их психологии.

М. М. Бахтин называет время наиболее динамичной величиной хронотопа, подчиняющей себе построение и развертывание действия в пространстве модели: «Время здесь сгущается, уплотняется, становится художественно зримым; пространство же интенсифицируется, стягивается в движение времени, сюжета, истории. Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем» [2, с. 128].

Роман Халимат Байрамуковой начинается с описания того, как семья Маджая из аула Чаул ведет последние приготовления к зиме: убирают дом, белят; к тому же впереди праздник двадцатилетия Октябрьской революции. В семье единственный сын Харун и старшая дочь Гокка – в действующей Армии. Дома – жена Маджая – Хабибат и дочь Кемисхан. Маджай уже в возрасте, ему тяжело ходить, у него полиартрит. В это время в село прибывают воинские части, как их называли в народе – «черношинельники», на постой, якобы решили отдохнуть. Людям не нравятся представители НКВД – они знакомы им с 37 года, но все же они считают, что эти лучше, чем оккупанты, от которых еле избавились. В это время после ранения приезжает в отпуск домой наша героиня с орденом Красной звезды на груди. Всего одну ночь провела она дома, на следующий день к ним ворвались солдаты. Сержант смутился, увидев перед собой капитана, но, различив значок медицинской службы, отдернул руку. Гокка требует от солдата объяснения, и в ответ она получает пощечину, ей говорят, что если она быстрее не соберется, то родители останутся. Героиня, как и все в это время, считает, что произошла какая-то ошибка, недоразумение, но солдату этого не объяснишь, он усердно выполняет свой долг. Она начинает собираться. Оглядев комнату, Гокка в первую очередь берет портрет Сталина в ореховой рамке, вынимает и сворачивает в трубочку и кладет в сумку. С трудом ей удается вывести и посадить в повозку больного отца. По мере сбора, в сопровождении тех же солдат, подводы с людьми тронулись в путь. Мерцающий свет керосиновой лампы, настезь открытая дверь, ничего не понимающая кошка в дверном косяке – все это, отдаляясь, гасло и тускло. Автор усиливает трагедию происходящего, вводя картины окружающего мира, с которыми была связана жизнь народа: природа словно страдает вместе с людьми, провожая хозяев в неведомую дорогу: небо нахмурилось, сплошной стон от края до края навис над аулом. Горы, казавшиеся в ночном небе застывшими, безучастными к человеческому горю чудовищами, возвращали в аул зловещее эхо, которое умножало нарастающий стон в десятки, а может, в сотни раз. Горцы, которые не покидали надолго свой кров, увидели дорогу и неохватность родных просторов. Все люди считают, что произошла какая-то ошибка, что все выяснится... Как кошмарный сон, произошедшее не укладывалось в сознании, что свои же, советские, «воюют» с беззащитными, ни в чем не повинными людьми, ведь все мужчины, способные носить оружие, *сражаются* на фронтах, да и они только недавно отправляли фронту шерстяные

изделия, продукты. В душе теплилась вера в сталинскую мудрую национальную политику: он не знает, он бы не допустил... Так загрузили их в телячьи вагоны, и началась дорога – дорога в неизвестность.

В первые дни люди еще интересовались, сколько времени они в пути, но потом у всех было одно желание – чтобы скорее закончилась мучительная дорога, которая постепенно начинает превращаться в дорогу мертвых. Если в начале пути это была дорога слез от обиды выселения, то теперь она стала дорогой слез от гибели родных людей. Люди потеряли счет времени. Страшно становилось, когда поезд останавливался. На остановках в последнем вагоне собирали умерших. Эта происходило каждый день. В первые дни люди пытались похоронить и отдать последнюю дань умершим по обряду – вместе с телами родных отдавали и белые материи для погребения, но, увидев, как солдаты грубо забирали и складывали в машины тела, отчаялись и в этом. На просьбы людей дать возможность похоронить умерших один из солдат сказал: «Какая им теперь разница, они не чувствуют боли. Они теперь счастливее нас с вами, отмучились, бедные» [1, с. 7]. Умер в дороге и отец героини, так и не смогла она узнать название станции, где забрали тело отца, и молча села. Так и ехала, от ужаса не проронив ни слова. Двадцать дней длилась эта дорога и, наконец, закончилась. Связь времен прервалась. Обстоятельства показали, что нет уверенности в завтрашнем дне, в прах рассеялись идеалы прошлого. Однако в глубине души люди сохранили веру в идеалы прошлого и были уверены в лучшем будущем и обязательно на родине.

Герои романа в основном преодолевают трагическую ситуацию в биографическом плане, здесь нет трагического одиночества, ибо трагедия для всех одна, нет желания самоутверждения, главное – выстоять, не уронив чести. Это становится возможным благодаря религиозной основе мировоззрения героев. Преодоление трагичности для отдельного человека представляется концом, гибелью, как бы человек ни пытался апеллировать к «судьбе», а для человечества – это естественный ход развития.

В новых условиях происходит формирование новых нравственных ценностей, позволяющее решать задачи восстановления ценностно-временных ориентаций или ценностно-смыслового отношения к жизни в другом месте, способствующие сохранению жизненных ценностей, ментальности горского народа. Можно без преувеличения сказать, что в романе Х. Байрамуковой само время становится целительным, превращая горести и переживания в личностные ценности, оно и как лекарь, и как судья.

По-разному встречали спецпоселенцев на местах расселения. Миф о «врагах народа, бандитах» шел впереди эшелонов. Байрамукова дает подробную картину размещения переселенцев в местах их пребывания. Людей заселяли в самые неприемлемые для жилья помещения. Расселяли не только в заброшенные бараки – многие семьи оказывались в помещениях для содержания скота. Героиня вместе с матерью была определена в немецкую семью, которые тоже были спецпереселенцами и уже десять лет проживали там. Им ли не понять тяготы этих людей? Женщина по имени Фрида помогала им на первых порах, как могла. Но как-то утром, идя за водой, она услышала голос мальчика: «– Анам, ары кьара, ордени болгъан бандитге! – деб кьычырды» [Там же, с. 48] / «Мама, мама, гляди, бандитка с орденом». Потребовалось время, чтобы местные жители убедились в ложности всякого рода слухов, чтобы увидели в них таких же тружеников, как и они, увидели, как возвращаются домой воины – защитники Родины и тоже начинают трудиться, не покладая рук, в этих ограниченных пространствах мест.

Будучи хирургом, Гокка долго ждала работу фельдшера, на второй год ее определили в райцентр хирургом. Но и ее одолевала мысль о куске хлеба. Во имя чего жить? Нет любимой работы, нет любимых гор. Судьба близких неизвестна, непонятно, увидит ли мужа-фронтовика? Никто не мог дать ей ответы на вопросы. Она с горечью это осознавала и боялась, что огрубевшие от сбора камышей руки никогда больше не могут работать со скальпелем. Но сумела. Многим она спасла жизни, и везде она пользовалась большой любовью и уважением.

Со страниц романа предстает страшная картина гибели народа. Да, это было: умирали целыми семьями. «Весь многообразный арсенал художественного воплощения времени направлен на воспроизведение человеческой судьбы. Не трудности быта, тяжелая работа пугают людей, не от них плач, а унижительное состояние, поправное чувство достоинства, обвинение в измене – вот что вызывает нравственные муки, которые тяжелее физических страданий. Вопреки всем тяготам они сохраняют свою человеческую ценность, независимо от того, изображен ли образ с детальной обстоятельностью или с лаконичной немногословностью» [4, с. 126].

Основной чертой, определяющей сущность людей в эти годы, стало отношение к труду. Труд стал критерием как социально-эстетической, нравственной категории, а также и условием физического выживания. Естественное существование человека зависело от его способности работать: выполнишь норму – получишь свой скудный паек.

Спецпереселенцы были заинтересованы в труде, несмотря ни на плохие условия, ни на маленькие трудодни, выполнять им приходилось самые неквалифицированные работы. История пребывания на чужбине знает немало примеров, когда ссыльных представляли к наградам, но они их не получали, это и понятно. Но были руководители хозяйств, которые, воздавая должное за труд, за вклад в общее дело, добивались заслуженных наград для спецпереселенцев. В художественную ткань романа вошли и рассказы о людях, которые были удостоены правительственных наград. Многие руководители хозяйств не хотели отпускать караевцев в 1957 году, уговаривали их остаться.

Своеобразие принципов композиционного построения произведения проявилось и в структуре повествования. Автор легко передает повествование герою, резко меняет тональность и ракурс изображения. Художественное содержание романа расширяется и разветвляется посредством исторических сведений, рассказанных людьми, документальных материалов. Здесь также обращает на себя внимание чередование двух временных

планов – настоящего, где концентрируется основное действие, и прошлого, где, как правило, просматриваются причины, корни каких-то явлений, где вводится история человека или места как скрытое измерение настоящего.

Хотя повествование ведется от лица автора, все перипетии сюжета пропущены через сознание главного героя. Образ героини во многом близок автору, это чувствуется – в какой-то момент они сливаются. В рассказе автора на передний план выступают разные люди. Авторская концепция становится понятной и выразительной с показом каждого персонажа романа. В центре повествования – психология памяти, выступающая как связующее звено времени. Она проводится автором через монологи героев, в частности, Гокки, ее матери, писем дневников Аслана – мужа героини. Писатель смело доверяет ей вести монолог – ночные рассказы, выразить свою нежность и любовь, оплакать свою женскую долю. У героини, по существу, уже нет выбора. Кажется, уже не осталось ничего, связывающего ее с близкими людьми. Не остается даже самих тих людей: родителей, брата, сестры, мужа. Она остается одинока в мире.

Даже в минуты отчаяния она не выражает ни в едином намеке претензии за все те утраты, за ту безысходность, в которую ставит ее судьба. Совмещение глобальности и беспричинности зла относилось к абстрактным категориям как субстанция судьбы, потому нет озлобленности, ропота. Ее сознание определено национальными традициями, выработанными тысячелетним опытом бытия, оно определено и религиозным сознанием. По своей природе оно безличностно, общенародно. Но эта сторона проблемы остается вне содержания произведения, о ней знает автор и ею руководствуется. Переехав работать в райцентр, Гокка встречает друга своего мужа, создает семью. Но это было скорее от одиночества, когда сыну исполнилось три годика, она расстается с ним, навсегда сохранив в душе светлую память о муже. Долгими ночами она перебирала письма мужа, перечитывала его неоконченный роман «Горы и годы» и строила планы по возвращению домой.

Своеобразие историзма в романе проявилось и в стремлении автора найти ответ на волнующий всех вопрос: почему люди были послушными исполнителями воли государства? Одна из разгадок заключалась в том, что карачаевский народ в силу социальных и религиозных традиций, оказавших влияние на старшее поколение, а также воспитания молодого и среднего поколения, усвоивших нормы жизни социалистического общества, воспринял свою судьбу в контексте интересов общества, страны. Страна воевала с фашистами – в этом заключены подлинные истоки трагического положения: при всей несправедливости государства по отношению к ним, они не могли выступить за свои права, оно было равнозначно для них нарушению общенародных интересов. Эта была черта, ставшая отличительной особенностью советского человека, руководствовавшегося известным принципом: раньше думать о родине, а потом о себе. Так думали герои романа. Времена изменились, автор достаточно подробно в форме рассказа, без документальных ссылок передает, как после осуждения культа личности Сталина представители народа ездили в Москву к Хрущеву, добиваясь реабилитации народа. Весть о реабилитации ссыльного народа была радостно встречена и теми, с кем нашей героине довелось работать долгие годы ссылки. Вот как об этом вспоминает героиня: «1957 джыл январны аякъ сюрери болур эди, Иван Иванович солуун кючден ала, ординаторскийге кириб:

– Гокка Маджаевна, Сиз... Сиз энди бош болдугъуз! Органлагъа къагъыт келгенди! Къагъыт! – деб Гокканы мангъылайн уппа этди.

Гокка кечеде, кюндеде да бу хапарны сакълаб тургъанлыкъгъа, кулакъларына ийнанмагъанча или тутулуб, ауузундан сез чыгъаралмай, Иван Ивановичге къараб иразны турду. Сор кюнча кезлеринден зыр деб джыламугъу къуюлуб, къобуб Иван Ивановични джаягъына эрнин джетдирди. Негерлери джылыб къалыб. Бары Гокканы алгъышлайдыла. Онерт джылны къуру ыйнлыкдан башха джукъ билмеген кечкюнчо адамлагъа быллай насыб калай чыгъыб къалыр деб Гокканы джюреги экилиди... Гокканы джыламукълары тохтамай тенгерейдиле, къол джаулукъ бла сюртубкюнчен келмейди. Нек джыайса деб сорсала, айталыкъ тюлдю башында – джукъ джокду» [1, с. 258]. /

«...Я сидела в ординаторской. Зашел Иван Иванович, запыхавшийся, взволнованный.

– Гокка Маджаевна! Какой сегодня день? – Середина зимы – семнадцатое января во дворе.

Иван Иванович замахал руками.

– Не о том вы... Сегодня пришло решение в органы. Вы свободны, Гокка Маджаевна! Понимаете?! Сво-бо-од-ны! Обнял ее за плечи. Чмокнул в макушку... В ординаторскую набились врачи, сестры, те, кто дожидался приема. Каждый что-то говорил ей, тянулся поцеловать или обнять ее...».

Горе и труд объединили людей. Люди поздравляли друг друга, строили планы отъезда на Родину. Все советовались, как это лучше сделать. На слова одной из женщин, что нужно сейчас же продать землянки, перед самым отъездом их придется за даром отдать, ей ответили: «Да хоть бы и за даром, у себя на родине как-нибудь устроимся и голыми руками».

Весной 1957 года героиня со своим малолетним сыном возвращается на родину. Интересен тот факт, что после того, что они испытали, любовь к Родине, вера в идеалы не покидают нашу героиню. Перед возвращением на родину в Москве героиня и ее подруги посещают мавзолей, где в это время находились стеклянные гробницы Ленина и Сталина и с любовью и упованием проходят по столице.

По приезду домой героиню как врача оставили работать в областном центре. Но она пожелала приехать в свой аул. Память в обратной последовательности переворачивала страницы – здесь луна безучастно провозжала страшный караван, растянувшийся по Кубанскому ушелю, здесь «студдубекер» покотился с людьми в пропасть, отсюда в последний раз она увидела открытую настежь дверь их дома, а сейчас она не находила его, как ни напрягала зрение. Не узнавала своего квартала, своей улицы. Лишь стоял большой камень, взобравшись на который, они в детстве ирали в «крепость». Дома не было. И, верная поэтике романа,

Халимат Байрамукова в конце вводит как символ ожидания, любви и преданности образ собаки, которая 14 лет ждала своих хозяев. Все разрушено, обросло бурьяном, невозможно узнать, и вот собака, встречающая в том же дворе своих хозяев. Пес вилял хвостом, лизал руки. Жалобно протяжно скулил, героиня со слезами гладила когда-то огненную, а теперь посыпанную пеплом шерсть. Это придает в какой-то степени философичность моменту возвращения.

Автобиографический роман Х. Байрамуковой определяется стремлением обозначить, раскрыть масштаб личности, показать достоинство человека, вобравшего в себя как рожденные новым временем социальные черты, так и духовный, нравственный опыт, накопленный веками. Нравственное чувство автора, возникающее от ощущения причастности к своей истории, помогает восстановить связь времен, возродить ощущение непрерывности и смысла бытия.

Список источников

1. **Байрамукова Х.** Онтерт джыл. Черкесск: Кн. изд-во, 1982. 311 с.
2. **Бахтин М.** Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Просвещение, 1975. С. 111-142.
3. **Манджиев Н.** Калмыцкая проза о депортации (некоторые аспекты концепции человека). Элиста: Ред.-изд. отд. Калмыцкого ин-та соц.-экон. и правовых исслед., 2005. 239 с.
4. **Чотчаева М. Х.** Документальная проза о Великой Отечественной войне в литературах народов Карачаево-Черкесии и ее жанрово-стилевые особенности: дисс. ... к. филол. н. СПб., 1998. 142 с.

TIME AND SPACE IN THE NOVEL BY KH. B. BAYRAMUKOVA "FOURTEEN YEARS"

Chotchaeva Mariza Khyisaevna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Karachay-Circassian State University, Karachaevsk
marizachot@mail.ru

This article examines the issue of the deportation of the Karachay people in the novel by Kh. Bayramukova "Fourteen years", indicating a new approach in addressing issues of deportation in the Karachay literature, a new systemic and structure-organized period of national artistic thinking of the people. The paper reveals the writer's attitude to the novel, its autobiographic character. The study identifies features of the spatial-temporal relationships in the novel, and some aspects of the conception of a person in exile in the Karachay prose.

Key words and phrases: war; deportation; time; space; special settlement; document; fiction; multiplicity of characters; Kh. Bayramukova.

УДК 82

Статья посвящена жизни и деятельности писателя, публициста, переводчика чеченского зарубежья Тарика Джемала Кутлу. Творчество Тарика Кутлу представляет большой интерес для отечественного литературоведения, так как оно впервые становится объектом исследования и вводится в научный оборот. В статье предпринята попытка проанализировать некоторые произведения и переводы Тарика Кутлу, которые находятся в личном архиве автора исследования, а также вышли в Турции отдельными изданиями, были опубликованы на страницах журнала «Кузей Кавказь – Северный Кавказ».

Ключевые слова и фразы: Тарик Джемал Кутлу; чеченское зарубежье; чеченская литература; чеченский язык; русско-кавказская война; писатель; публицист; переводчик.

Ялхароева Марем Ахметовна, к. филол. н.

Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук имени Чаха Ахриева, г. Магас
maremyalharoeva@mail.ru

ТАРИК ДЖЕМАЛ КУТЛУ – ПИСАТЕЛЬ, ПУБЛИЦИСТ, ПЕРЕВОДЧИК

Тема чеченского зарубежья всегда вызывала большой интерес на исторической родине, но в силу объективных причин литература чеченского зарубежья до сих пор не стала объектом научных исследований. Настоящая работа, посвященная известному писателю, публицисту, переводчику чеченской диаспоры в Турции Тарику Джемалу Кутлу, является первым опытом в этом направлении.

Тарик Джемал Кутлу принадлежал к известному чеченскому роду дышни из селения Дышни-Ведено. Прапрадед Тарика Саадул был при имаме Шамиле наибом мичикхойцев, а его брат Бага – наибом гачалкхойцев, оба погибли в одном из сражений русско-кавказской войны. После гибели братьев их сестра Халимат в 1865 году вместе со своей семьей и 12-летним племянником Садиком (сыном Саадулы) переселилась в Турцию в с. Чардак (поселение чеченцев-мухаджиров). Как и другие этнические группы, эмигрировавшие